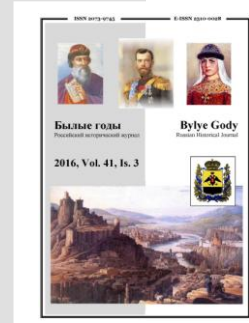

Copyright © 2016 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 41, Is. 3, pp. 650-657, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 355

The Personnel of the Russian Army in the Caucasus in 1830–1840-ies

Vladimir B. Karataev ^{a, *}, Anna A. Ostrovskaya ^b, Tatiana V. Kokuytseva ^b, Alexander S. Semenov ^b

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Institute of Space Technologies, Peoples' Friendship of University of Russia, Russian Federation

Abstract

The article presents the personnel structure of the Russian army in the Caucasus in the period of 1830-1840-ies. The attention is paid to the problems of recruitment, and the study of everyday service of soldiers and officers.

There are used the materials of the regional and local archives, namely the State archive of the Krasnodar Krai and the Archival department of administration of Sochi city (Russian Federation), as well as sources of a personal origin (memoirs). The work is widely used the pre-revolutionary, soviet and modern russian literature.

The study methods are the principles of objectivity, historicism, systematic, integrated consideration of socio-subjective in the subject of study.

In conclusion, the authors note that despite of the difficulties of manning the army units in the Caucasus (the flight of the soldiers, crimes, etc.) the military situation and competent management of units, and equally significant terms of service allowed to melt antisocial composition of the number of recruits into combat-ready joint. Russian officers played a significant role in the training and re-recruiting of the masses.

Keywords: personnel structure, Russian army, the Caucasus, the Caucasian war.

1. Введение

Для понимания поведенческого аспекта комбатантов Кавказского корпуса при несении ими службы на территории Кавказа в период Кавказской войны большое значение имеет социальный облик кадрового состава. В данной статье мы постараемся разобраться, что представляли собой кадры Русской армии на Кавказе в период войны.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов использованы документы региональных и местных архивохранилищ (Государственный архив Краснодарского края и Архивный отдел администрации города Сочи), а также источники личного происхождения (мемуары). В работе широко использовалась дореволюционная, советская и современная российская литература.

2.2. Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения. Отмечается нейтральность отношения исследователя к интерпретации и оценке фактического материала.

3. Обсуждение

Вопросы кадрового обеспечения русской армии неоднократно поднимались как в дореволюционной, так и в последующей историографии.

В дореволюционный период теме кадрового обеспечения русской армии внимание было уделено лишь эпизодично, в основном это произведения личного происхождения: мемуары, письма и

* Corresponding author

E-mail addresses: vladimir-karataevo@rambler.ru (V.B. Karataev), ostrovskaya_aa@pfur.ru (A.A. Ostrovskaya), kokuytseva_tv@pfur.ru (T.V. Kokuytseva), semenov_als@pfur.ru (A.S. Semenov)

дневники. В связи с этим можно назвать труды следующих авторов А.П. Гаденко (Гаденко, 1912), Н. Дубровина (Дубровин, 1871), А.М. Зайончковского (Зайончковский, 1908), С. Эсадзе (Эсадзе, 1914), Ф.Г. Уманца (Уманец, 1912), Ф.А. Щербина (Щербина, 1992) и др.

Из фундаментальных источниковедческих работ можно отметить труды АКАК (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией), изданные в Тифлисе многочисленными томами. Тома издавались по мере накопления материала (например, т.3 – в 1879 г., т.9 – 1881 г., т. 10 – 1885 г.) и содержали документы и мемуарные произведения, относящиеся к Кавказской войне.

Немалое внимание Кавказской войне было уделено в многотомной работе «Кавказский сборник», издававшейся, как и труды АКАК, в Тифлисе. Том 5, изданный в 1880 г., был посвящен военным действиям в Кубанской области в 1861–1864 гг.; том 13, изданный в 1899 г., – событиям 1840–1842 гг. на Кавказе.

В советский период появился ряд работ, в которых в том числе рассматривался кадровый состав русской армии. Здесь необходимо назвать работу А. Керсновского (Керсновский, 1993), А. Фадеева «Убыли в освободительном движении на Западном Кавказе» (Фадеев, 1935), Н. Дубровина «Черкесы» (Дубровин, 1927) и некоторые другие.

В современный российский период эта тема затрагивалась в работах Б.Д. Герасименко (Герасименко, 2001), А.В. Шишова (Тайны Кавказских войн, 2005), А.Д. Панеш (Западная Черкесия, 2007), Я.А. Гордина (Кавказ, 2000), С.В. Волкова (Волков, 2002), А.А. Черкасова (Cherkasov et al., 2013). Следует отметить и «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» (Очерки истории, 1996).

4. Результаты

4.1. Нижние чины

Комплектование Русской армии нижними чинами в период Кавказской войны производилось по рекрутскому уставу 1831 г. (Зайончковский, 1908: 413) Во время от рекрутской повинности были освобождены дворяне, купцы, почетные граждане, дети священников (которые пошли по духовной линии). Повинность была обязательна для солдатских детей, крестьян, мещан.

Повинность была не индивидуальная, а коллективная, то есть русское правительство предъявляло требование поставить рекрута к определенной группе лиц, а те уже сами выбирали, кого отправить в армию. В начале XIX в. от каждых 0,5 тыс. человек в армию в среднем брали по 2–3 человека.

Кроме того, в армию отправляли в качестве наказания по желанию помещика, по приговорам судов или сельских сходов. При этом по приговору суда в армию отправляли и государственных преступников, в том числе и из сословий, освобожденных от рекрутской повинности. Естественно, что зачастую общины старались избавиться путем отправки в армию от наиболее «буйных» элементов. Так, в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1845 г. дается перечень проступков, за которые допускалась отдача в солдаты в наказание взамен ссылки в Сибирь (Зайончковский, 1908: 415).

Практиковалась и система найма наемников взамен себя. Количество таких заместителей доходило до 10 тыс. в год. Учитывая, что за 1835–1854 гг. в среднем призывалось 80 тыс. чел. в год эта цифра выглядит довольно значительной.

Таким образом, вся тягость военной службы ложилась на наименее обеспеченные слои общества. Всего же, около 20 % населения империи имело право на освобождение от рекрутской повинности. В среднем один служащий приходился на 26 душ мужского пола, подлежащих повинности.

Возраст принимаемых на службу составлял от 20 до 35 лет. Срок службы был установлен в 22–25 лет, а с 1834 г. – 20 лет (Керсновский, 1993: 14). Прослуживших 20 лет, а с 1851 г. 15 лет, увольняли на 5 лет в бессрочный отпуск, во время которого они ежегодно собирались на 1 месяц на военные сборы, по истечению этого срока службы они увольнялись из армии.

Высокие сроки службы пугали потенциальных рекрутов. Столь продолжительная служба практически полностью отрывала солдат от своей семьи. Учитывая, что люди подлежали призыву в возрасте от 20 до 35 лет, то на протяжении значительного периода жизни военнслужащие оказывались в «подвешенном» состоянии. Отсюда и значительное распространение членовредительства и побегов рекрутов. Беглые были явлением обычным в то время. В подтверждение этого служат наличие специальных поощрений для командиров подразделений (рот и эскадронов) «за неимение бежавших во вверенных им частях» в относительно короткий трехлетний срок. Правда следует отметить, что данные тенденции были характерны для всех армий мира, комплектуемых на основе рекрутской повинности.

Самых высоких, сильных и красивых рекрутов отправляли в гвардию. Раскольников и попавшиеся «в буйствах и дерзостях» назначались на Кавказ и Сибирь; отданные за дурное поведение – преимущественно в гарнизонные и военно-рабочие части; бродяги и преступники – во внутренние гарнизонные и линейные батальоны.

Таким образом, Кавказ был местом службы наиболее «буйных» элементов в рядах Русской армии. Это объяснялось несколькими причинами: во-первых, на Кавказе была ситуация

перманентной войны и в ее условиях давался шанс искупить свою вину; во-вторых, на Кавказе традиционно были более тяжелые условия службы в бытовом и санитарном отношении (непривычная горная местность, влажный климат, трудности со снабжением). Разжалованные и сосланные на Кавказ в армию имели шанс своими действиями получить прощения и вернуться к прежней жизни. При этом преступники и ссыльные неоднократно проявляли себя. Так, в рапорте по итогам высадки десанта в устье р. Субаши 3 мая 1839 г. генерал-лейтенант Н.Н. Раевский-младший отмечал, что великолепно себя проявили Тенгинского пехотного полка унтер-офицер Антонович и черноморского № 5 батальона рядовой Филипп Васильев (Антонович был за нарушение закона определен из студентов Московского университета в армию в 1832 г. и на протяжении 7 лет неоднократно проявлял себя как храбрый и отличный солдат. Васильев же разжалован из чиновников комиссариатского ведомства в 1836 г. за неподчинение и так же проявил себя с самой лучшей стороны) (АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 5. Л. 10). При этом генерал Раевский особо отметил этих солдат из всей массы личного состава. Учитывая, что десантный отряд насчитывал около 5 тыс. чел., то видимо Васильев и Антонович действительно проявили чудеса храбрости.

Однако не следует считать, что условия службы на Кавказе были просто невыносимы. Отнюдь. Они были лишь незначительно хуже условий службы на других окраинах Российской империи. К тому же сам по себе Кавказ в отношении санитарных условий не был однороден. В Закавказье условия службы были наиболее приемлемы как в бытовом плане, так и по интенсивности боевых действий. Наиболее тяжелыми условия службы были на территории Черноморской береговой линии, благодаря заболоченной местности, которая способствовала различным заболеваниям.

Также следует делить воинские подразделения, принимавшие участие в боевых действиях на Кавказе, по привилегированности. Дело в том, что на Кавказ периодически направляли армейские части из Центральной России на определенный срок (чаще всего на несколько лет). Следовательно, в таких условиях на Кавказе могли оказаться и вполне благополучные с точки зрения подбора личного состава воинские подразделения. На Кавказе постоянно несли службу несколько казачьих войск – Черноморское, Кавказское Линейное, Терское, Азовское (Karataev et al., 2016). Набор личного в подразделения этих войск осуществлялся в порядке очередности несения службы казаками без градаций «буйных подалее, высоких и рослых – поближе», т.к. данные казацкие войска были поселены в пределах Кавказа и весь уклад жизни его служащих был подчинен непосредственному ведению боевых действий против горцев. В другие регионы данные казацкие войска свои подразделения отправляли лишь в случае крупномасштабной войны с сильным противником, в качестве примера можно упомянуть события войны 1812 года.

На территории Черноморской береговой линии в боевых действиях принимали участие самые разные воинские подразделения. Так, в десантных операциях в качестве ударной силы использовались наиболее элитные (по меркам Кавказа) части – пехотные и гренадерские полки, казачьи части, артиллерия, сводные стрелковые подразделения флота и т.д. При этом некоторые подразделения имели значительный опыт участия в десантах и становились неизменными участниками всех подобных операций. Наиболее прославились своими действиями в подобных мероприятиях Навагинский и Тенгинский пехотные полки.

В то же время, постоянную гарнизонную службу в крепостях и укреплениях Черноморской береговой линии несли черноморские линейные батальоны, личный состав которых был наименее качественным. Это не означает, что в таких подразделениях сплошь и рядом служили преступники или «буйные», но их процент в таких подразделениях был выше, по сравнению с другими частями. Служба на окраинах при непосредственном контакте с неприятелем должна была оградить общество от социально опасных элементов и в тоже время принести пользу государству. Бежать солдатам из таких подразделений было некуда, разве только к неприятелю. Необходимо отметить, что число беглых солдат среди горцев на Кавказе было довольно значительным. Польский эмиссар Теофил Лапинский полагал, что ежегодно из русской армии убегало до 4 тыс. человек, из которых три пятых находились в Шапсугии и Абадзехии, две пятых – в Убыхии (Лапинский, 1995: 146). То есть, по мнению Т. Лапинского значительное количество беглых солдат находилось на побережье Черного моря, в зоне деятельности Черноморской береговой линии.

Если рассмотреть психологический облик комбатанта перешедшего на стороны противника, то можно увидеть, что часто случалось, что беглые представляли из себя несчастных людей, уклонившихся от тяжелой, долгой службы, боявшихся жестокого наказания. Такие беглые были безобидны, они бродили вокруг селений, питались подаяниями и большей частью возвращались из побега добровольно. Но иногда беглецами делались действительно порочные личности, которые подбирали себе шайку и производили жестокие грабежи. Опасаясь быть выданными или, еще того хуже, проданными в рабство куда-нибудь в Турцию или Персию, они не переходили за Кубань, а скрывались в лесах. Это были разбойники гораздо более опасные, чем горцы. Они знали местность, язык, имели иногда друзей и сторонников по постам и потому могли с большим успехом разгуливать всюду, похищая то, что плохо лежит.

Один из таких случаев был описан в журнале «Русский архив»: «В конце сороковых и в первой половине 50-х гг. особенно плохо приходилось жителям Наура и окрестных станиц (район Терека – Авт.). Война не особенно пугала казаков и не слишком разоряла их. К ней привыкли, как к

неизбежной необходимости: но утомляла казаков невозможность спокойно работать. Горцы, как дикие кошки, переправлялись на нашу сторону небольшими шайками, грабили и разбойничали. Приходилось все полевые, а в особенности садовые работы, производить с ружьем за плечами. В особенности стало тяжело, когда в набегах горцев приняли участие наши беглые казаки: Филат Алешечкин, Зот Черин, Иван Фролов, Наум Вавилов, Михай Гуляев, а в особенности Яков Алтапов. Отрезав себе преступлениями путь к возврату на родину в станицы, беглецы эти совершенно сроднились и сблизились с чеченцами, и образовывали совместно с ними хищнические шайки» (Чернозубов, 1912: 70-71).

Беглые с оружием в руках принимали участие и в захвате русских крепостей. Так, например, дезертиры участвовали в штурме Михайловского укрепления (АКАК, 1884: 482).

Военные законы жестоко карали за бегство, особенно за рецидив, но, по мнению простого народа это не было тяжким преступлением. Вот как описывал поручик Ракович настроения солдата накануне побега: «Иной солдат вдруг становился задумчивым, начинал уединяться, смотреть на «ту» сторону, вздыхать часто, копить сухари, раздобывал, наконец, нож, и все знали, что человек задумал «податься в горы», т.е. бежать, но начальству не говорили. Наконец солдат исчезал; не было его день, не было два, тогда докладывали ротному командиру; тот производил дознание, подавал рапорт и солдат начинал «числиться в бегах». Если он в душе порядочный солдат, то уносил с собой как можно меньше казенного имущества; если же это была какая-нибудь дрянь, то обворовывал даже своих товарищей, и к таким солдаты бывали безжалостны. Фельдфебель, докладывая об исчезновении солдата, иногда говорил: «этот вернется, ваше благородие!». Ротный командир переживал некоторое время, и действительно солдат возвращался, но истерзанный, голодный, исхудалый. Вздуют его хорошенько и делу конец. Немедленно рапортовали о беглых тогда, когда уход сопровождался преступлением или кражей, при чем унесенное исчислялось до пуговицы и блях включительно, не говоря уже об оружии и боевых патронах. Тяжела была жизнь в бегах между двух огней; с одной стороны грозили плен, вечное рабство, с другой стороны – суд, шпицрутены, штрафы. Недолго беглецы выдерживали скитальческую, бесприютную, голодную жизнь и, истомившись, возвращались обратно; тут-то и нужен был такт со стороны ротного командира, чтобы разглядеть в возвратившемся случайного, вынужденного беглеца или закоренелого преступника» (Тенгинский полк, 1900: 107). Что не все «беглые» представляли из себя негодный элемент, лучшим доказательством служит один из знаменитых героев русской армии Архип Осипов, который за побег был оштрафован, проходил сквозь строй и все же в критическую минуту оказал почти беспримерный подвиг.

Дезертирство вообще было большим местом во всех армиях с рекрутской системой и долговременной службой; в кавказских же войсках, служивших издавна ссылочным местом, оно было еще чувствительнее. В Тенгинском полку в 1831 году числилось в бегах – 131 человек (Тенгинский полк, 1900: 107); на укомплектование же поступило из российских полков 99 оштрафованных солдат (Тенгинский полк, 1900: 107). Помимо этого в Тенгинский полк в качестве пополнения стали поступать различные сектанты: молокане, духоборцы, иконоборцы, иудействующие и др. на бессрочную службу, «если не изъявят желание снова обратиться в православие». Специально для этого контингента в ротных библиотеках имелись книги – «Краткий катехизис» и «Краткая Священная история» (Тенгинский полк, 1900: 111-112). В 1837 году в Тенгинском полку служили в качестве рядовых и декабристы: Нарышкин (бывший полковник), Лорер (бывший майор), кн. Одоевский (бывший корнет), барон Черкасов (бывший поручик) и Лихарев (бывший подпоручик) (Тенгинский полк, 1900: 168).

Чтобы хоть несколько снизить число побегов, командир Тенгинского полка полковник Лисаневич, предлагал ротным командирам «потреблять вместо строгости кротость и благонравие; доводить к познанию порядка военной службы постепенно, но не вдруг требовать от них всего. Каждого солдата нужно иметь у себя на замечании, особенно из определенных вновь бродяг, преступников и рекрут, коим первоначально даже не должно давать свободы к тайным разговорам с людьми, подвергшими себя неоднократным наказаниям; они подговаривают и других к сделанным ими порокам» (Тенгинский полк, 1900: 107). Обращает на себя внимание обращение полковника Лисаневича к самим нижним чинам: «многие из вас, сделав проступок по службе, отчаиваются получить прощение и пользоваться награждением начальства и увольнением в отставку, влекут за одним 2-й и 3-й проступок, не вникнув, что милость Государя Императора простирается даже на самых закоренелых злодеев, и вы хорошим поведением и усердием к службе не можете лишиться права на внимание высшего начальства» (Тенгинский полк, 1900: 107).

Подобные обращения к солдатам имели положительные последствия.

В бегах в Тенгинском полку числилось с 1 июня 1835 года по март 1837 года 286 человек. По этому поводу командир полка 28 марта доносил: «По точному рассмотрению причин к побегам, я более никакой не нахожу, как только значительное число в полку штрафovaných людей, бродяг и рекрутов». С 1 января 1836 по март 1837 годов поступило: рекрут, в числе которых и конскрипты – 835 человек, из них: бродяг – 4, поляков (пленных) – 83, штрафovaných – 38, зачисленных по поимке из бегов – 44. Сверх того состояло прежде в полку наказанных по службе за разные преступления – 208 человек, отданных на службу за преступления – 135 человек. Всего «ненадежных» в полку числилось 1248 человек (Тенгинский полк, 1900: 169).

Удивительно, но часто именно ранее оступившиеся люди творили чудеса. Так, 27 мая 1837 года во время прикрытия работ по строительству форта Головинского на боевое охранение горцы осуществили 13 рукопашных атак. В ходе этих дел отличился унтер-офицер Феликс Ордынский, выходец из государственных преступников ([Тенгинский полк, 1900: 186](#)).

В то же время, боевые действия на Кавказе отличались от общих канонов ведения войны и носили набегово-карательный характер. В таких условиях «буйные» могли активно проявлять себя, так как они часто записывались в охотники (добровольцы-разведчики) и осуществляли глубокие разведывательные поиски на территории противника. Иными словами, в таких условиях, когда их жизнь зависит только от них самих, а кругом был неприятель, они могли применить, в том числе и свои преступные навыки на пользу государству. В тоже время, практиковался перевод из элитных подразделений солдат на Кавказ, для повышения эффективности действий подразделений и сокращения потерь личного состава. Так, по указу императора Николая I в марте 1840 г. в Черноморские линейные батальоны вместо необученных рекрут отправили 1270 старослужащих из Крыма из состава 5-го пехотного корпуса ([АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 6. Л. 22](#)).

Кавказ был местом ссылки и самых известных государственных преступников той эпохи – декабристов. Среди них были известные поэты и писатели (но в первую очередь офицеры русской армии): А.А. Бестужев-Марлинский (на Кавказе с 1829 г., с 1836 г. служил в Грузинском гренадерском полку. Погиб 7 июля 1837 г. при высадке десанта у Константиновского мыса (современный Адлер). Во время этой операции был среди охотников-добровольцев) ([Ворошилов, 2006: 177-182](#)); А.И. Одоевский (на Кавказе с 1837 г. рядовым в Тенгинском пехотном полку. Участвовал в десантах на территории Черноморской береговой линии. Умер от малярии в 1839 г. при строительстве форта Лазарева ([Ворошилов, 2006: 254-256](#)) (современный поселок Лазаревское). В армию на Кавказ ссылали участников Польского восстания 1830–1831 гг. Среди дезертиров по данным Т. Лапинского больше всего было именно поляков – более половины от всех дезертиров ([Лапинский, 1995: 146](#)).

Нужно отметить, что региональные особенности Кавказской войны на побережье никак не защищали беглых солдат от возвращения в строй. Так, например, военнослужащих из числа татар переходило на сторону черкесов в среднем по 600 человек в год, из которых три шестых оставались в стране как рабы, две шестых продавались в Турцию и одна шестая отводилась назад к русским ([Лапинский, 1995: 146-147](#)).

Летом 1851 года по требованию пристава Джигетского народа майора Павлова (командир форта Св. Духа и 8-го Черноморского линейного батальона) горцы начали возвращать бежавших к ним солдат ([ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1189. Л. 12](#)).

Однако все вышеприведенное не означает, что в русской армии того времени и в особенности на Кавказе служили исключительно асоциальные элементы. Дело обстояло значительно сложнее. Армия во все времена была делом крайне обременительным (как для государства, так и для комбатантов) и желающих служить было в разы меньше потребностей. Но те, кого все-таки отправляли служить, редко проявляли трусость или предательство. Большие сроки службы в русской армии позволяли подготовить высокопрофессиональных солдат. Особенно это относилось к унтер-офицерам – к младшему командному составу.

4.2. Офицерский состав

Получение офицерского чина в Русской императорской армии означало вхождение его обладателя в высшую социальную касту Российской империи. Офицерское общество русской армии не было однородно в плане своего происхождения, образовательного уровня, финансовых возможностей.

Является глубоким заблуждением мнение о том, что все офицеры в русской армии были из среды потомственных дворян. Данная путаница вызвана тем, что получение первого офицерского чина влекло за собой получение потомственного дворянства. То есть, унтер-офицер, получивший офицерский чин, автоматически становился частью самого привилегированного сословия Российской империи. Потому при определении принадлежности к тому или иному сословию подданных империи все офицеры русской армии относились к потомственным дворянам. В исследуемый период до четверти всех офицеров были недворянского происхождения.

Способов получения офицерского чина в русской армии было несколько. Окончание военно-учебного заведения долгое время не давало автоматического права на получение офицерского чина. Выпускников отправляли в части унтер-офицерами и потом производили в офицеры на вакансии. Правда, этот процесс занимал всего несколько месяцев. С 1830 г. всех выпускников сразу производили в офицеры и отправляли в войска.¹ Качество обучения в военно-учебных заведениях русской армии было высоким. Однако военно-учебные заведения давали лишь четверть требуемого числа офицеров, поэтому вплоть до военных реформ Александра II основным способом пополнения офицерского корпуса было производство из унтер-офицеров.

Большая часть дворян поступала на службу не имея специального военного образования. Чаще всего у них за плечами было домашнее обучение (часто очень высокого уровня), либо гражданские

¹ В исследуемый период в России было 21 военно-учебное заведение.

учебные заведения уровня школы или гимназии. Дворяне принимались на службу в исследуемый период сразу в унтер-офицерских чинах. Поступившие «на правах дворян» производились через 2 года службы в офицеры на вакансии в свои части и через 3 года – в другие части (Волков, 2002: 69).

Поступившие «на правах студентов» (любого происхождения, но имеющие за плечами высшее образование) сразу принимались с унтер-офицерским чином и производились в офицеры через 3 месяца для тех, кто имел степень кандидата наук и через 6 месяцев для тех, кто не имел кандидатской степени. При этом ни дворяне, ни «студенты» при производстве в офицеры не сдавали никаких экзаменов (Волков, 2002: 68).

Остальные вольноопределяющиеся производились в офицеры после 4–12 лет службы в унтер-офицерском чине (в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе). При производстве в офицеры данная категория сдавала экзамен на знание службы.

Так из троих офицеров, допрошенных следователем подполковником Лейб-гвардии драгунского полка Мейером по делу о хищении мин в форте Навагинском весной 1851 г., двое вступили в службу унтер-офицерами, т.е. не имели за плечами специального образования (это были: воинский начальник форта Навагинского Черноморского № 11 батальона майор Кириллов и командир 2-й линейной роты Черноморского № 8 батальона штабс-капитан фон Регенкампер) (АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 6. Л. 89, 117), а один – рядовым, то есть поступил по рекрутской повинности (штабс-капитан Михайлов) (АОАГС. Ф. Р-348, Оп. 1. Д. 6. Л. 126).

Призванные по рекрутской повинности производились в офицеры после 10 лет службы в гвардии или 18 лет во внутренней страже в унтер-офицерских чинах (Волков, 2002: 70). При этом для получения унтер-офицерских чинов данной категории надо было прослужить определенное количество лет рядовыми.

При определении офицеров по подразделениям руководствовались некоторыми принципами. Лучших выпускников военно-учебных заведений назначали в гвардию, инженеры или артиллерию. Остальных (в том числе и вольноопределяющихся) распределяли в зависимости от образовательного уровня и происхождения в армейские части по следующей шкале (по убыванию престижности): гренадерские полки, пехотные и егерские полки и кавалерия, гарнизонные полки и батальоны, линейные батальоны, подразделения внутренней стражи.

Таким образом повторялась ситуация схожая с распределением нижних чинов. Применительно к Черноморской береговой линии это означало, что в черноморские линейные батальоны на службу отправлялись наименее качественный личный состав – как рядовой и унтер-офицерский, так и офицерский. Остальные же части, принимавшие участие в боевых действиях на территории Черноморской береговой линии, можно отнести к вполне благополучным подразделениям (относительно качества личного состава). Это относится к пехотным и егерским полкам, артиллерийским подразделениям и инженерам.

В то же время, штаб-офицеры и генералы, принимавшие участие в боевых действиях на Кавказе бесспорно относятся к военной элите русской армии николаевской эпохи. Ведь только наиболее грамотные и храбрые офицеры в русской армии могли дослужиться до штаб-офицерских чинов. Если очередной обер-офицерский чин можно было получить, просто выслужив определенные срок в предыдущем чине и при наличии вакансии полку, то производство в штаб-офицерские чины происходило только за отличие на вакансии по всей армии империи. Таким образом, если в среде обер-офицеров могли оказаться не вполне грамотные офицеры, то в среде штаб-офицеров данная ситуация практически исключалась.

Генералитет Кавказского корпуса вообще можно отнести к высшей элите имперской России. Большинство генералов, командовавшие подразделениями на Кавказе, имели лучшее образование. Многие были участниками Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Большинство из них обладало помимо военных дарований еще и недюжинными способностями дипломатов и управленцев. Учитывая специфику службы, им приходилось вести переговоры с целыми народами и управлять не только войсками, но и регионами. Среди них можно выделить: А.А. Вельяминова, Г.В. Розена, Е.А. Головина, М.М. Ольшевского, Н.Н. Раевского-младшего, А.П. Ермолова (Зайцев, 2010) и многих других.

5. Заключение

Таким образом несмотря на сложности комплектования армейских частей на Кавказе (бегство солдат, преступления и т.д.) военная обстановка и грамотное управление подразделениями, а также не в меньшей степени значительные сроки службы позволили переплавить асоциальный состав из числа рекрутов в боеспособные соединения. Видную роль в деле обучения и перевоспитания рекрутской массы сыграло русское офицерство.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Шифр: 100.01, а также при финансовой поддержке Минобрнауки России (Соглашение №20.а03.21.0008).

Литература

- АКАК, 1884 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 9. Тифлис, 1884.
 АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.
 Волков, 2002 - Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002.
 Ворошилов, 2006 - Ворошилов В.И. История убыхов. Майкоп, 2006.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 Гаденко, 1912 - Гаденко А.П. Азовское казачье войско (1830–1865 гг.). Кашира, 1912.
 Герасименко, 2001 - Герасименко Б.Д. Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001.
 Дубровин, 1871 - Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1.
 Дубровин, 1927 - Дубровин Н. Черкесы. Краснодар, 1927.
 Керсновский, 1993 - Керсновский А. История русской армии. В 4 т. Т. 2. М., 1993.
 Зайончковский, 1908 - Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1908.
 Зайцев, 2010 - Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 23–35.
 Западная Черкесия, 2007 - Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007.
 Кавказ, 2000 - Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. СПб., 2000.
 Лапинский, 1995 - Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
 Очерки истории, 1996 - Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
 Тайны Кавказских войн, 2005 - Тайны Кавказских войн. М., 2005.
 Тенгинский полк, 1900 - Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг. / Сост. поруч. Ракович. Тифлис. 1900.
 Уманец, 1912 - Уманец Ф.Г. Проконсул Кавказа. СПб., 1912.
 Фадеев, 1935 - Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. 1935. № 4.
 Чернозубов, 1912 - Чернозубов Ф. Очерки терской старины. Побег к непокорным горцам // Русский архив. 1912. № 1.
 Щербина, 1992 - Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Краснодар, 1992.
 Эсадзе, 1914 - Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914.
 Cherkasov et al., 2013 - Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V. (2013) By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851). *Bylye Gody*. (27), 1: 5-15.
 Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. (2016) Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline. *Bylye Gody*. (40), 2: 392-397.

References

- АКАК, 1884 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 9. Tiflis, 1884.
 АОАГС – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [Archival department of administration of Sochi city].
 Volkov, 2002 - Volkov S.V. Ofitsery rossiiskoi gvardii: Opyt martirologa [Officers of the Russian guard: the experience of the martyrology]. M., 2002.
 Voroshilov, 2006 - Voroshilov V.I. Istoriya ubykhov [The history of the ubykh]. Maikop, 2006.
 ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of Krasnodar Krai].
 Gadenko, 1912 - Gadenko A.P. Azovskoe kazach'e voisko (1830–1865 gg.) [Azov Cossack army (1830–1865)]. Kashira, 1912.
 Gerasimenko, 2001 - Gerasimenko B.D. Ocherki istorii Novorossiiska [Essays on the history of Novorossiisk]. Novorossiisk, 2001.
 Dubrovin, 1871 - Dubrovin N. Istoriya voiny i vladychestva russkikh na Kavkaze [The history of war and Russian domination in the Caucasus]. SPb., 1871. T.1.
 Dubrovin, 1927 - Dubrovin N. Cherkesy [Circassians]. Krasnodar, 1927.
 Kersnovskii, 1993 - Kersnovskii A. Istoriya russkoi armii [The history of the Russian army]. V 4, t. T. 2. M., 1993.
 Zaionchkovskii, 1908 - Zaionchkovskii A.M. Vostochnaya voina 1853–1856 gg. [The Eastern war of 1853-1856]. SPb., 1908.
 Zaitsev, 2010 - Zaitsev A.M. A.P. Ermolov: voenniy i politik [A.P. Ermolov: soldier and politician] // *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. 2010. № 7. S. 23–35.
 Zapadnaya Cherkesiya, 2007 - Zapadnaya Cherkesiya v sisteme vzaimodeistviya Rossii s Turtsiei, Anglii i imamatom Shamiya v XIX v. (do 1864 g.) [The Western Circassia in the system of interaction of

Russia with Turkey, England and the Imamate of Shamil in the nineteenth century (until 1864)]. Maikop, 2007.

Kavkaz, 2000 - Kavkaz: Zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX v. [The Caucasus: Land and blood. Russia in the Caucasian war of the XIX century]. SPb., 2000.

Lapinskii, 1995 - *Lapinskii T.* Gortsy Kavkaza i ikh osvoboditel'naya bor'ba protiv russkikh [The highlanders of the Caucasus and their liberation struggle against russian]. Nal'chik, 1995.

Ocherki istorii, 1996 - Ocherki istorii Kubani s drevneishikh vremen po 1920 g. [Essays on the history of Kuban from ancient times to 1920] / Pod obshch. red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 1996.

Tainy Kavkazskikh voyn, 2005 - Tainy Kavkazskikh voyn [Mysteries of the Caucasian wars]. M., 2005.

Tenginskii polk, 1900 - Tenginskii polk na Kavkaze. 1819–1846 gg. [Tenginka regiment in the Caucasus. 1819-1846.] / Sost. poruch. Rakovich. Tiflis. 1900.

Umanets, 1912 - *Umanets F.G.* Prokonsul Kavkaza [Proconsul of the Caucasus]. SPb., 1912.

Fadeev, 1935 - *Fadeev A.* Ubykhi v osvoboditel'nom dvizhenii na Zapadnom Kavkaze [Ubykhs in the liberation movement in the Western Caucasus] // Istoricheskii sbornik. 1935. № 4.

Chernozubov, 1912 - *Chernozubov F.* Ocherki terskoi stariny. Pobegi k nepokornym gortsam [Essays of Terek antiquity. Escapes to rebellious highlanders] // Russkii arkhiv. 1912. № 1.

Shcherbina, 1992 - *Shcherbina F.A.* Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack army]. V 2 t. Krasnodar, 1992.

Esadze, 1914 - *Esadze S.* Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny [The conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian war]. Tiflis, 1914.

Cherkasov et al., 2013 - *Cherkasov A.A., Ryabtsev A.A., Menkovsky V.I., Tarakanov V.V., Navrotsky A.V.* (2013) By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851). *Bylye Gody*. (27), 1: 5-15.

Karataev et al., 2016 – *Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G.* (2016) Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline. *Bylye Gody*. (40), 2: 392-397.

УДК 355

Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг.

Владимир Борисович Каратаев ^{a, *}, Анна Александровна Островская ^b, Татьяна Владимировна Кокуйцева ^b, Александр Сергеевич Семенов ^b

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Институт космических технологий РУДН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается кадровый состав Русской армии на Кавказе в период 1830–1840-е гг. Уделено внимание проблемам комплектования, а также изучению повседневной службы солдат и офицеров.

В качестве источников были использованы материалы региональных и местных архивохранилищ, а именно Государственного архива Краснодарского края и Архивного отдела администрации города Сочи (Российская Федерация), а также источники личного происхождения (мемуары). В работе широко использовалась дореволюционная, советская и современная российская литература.

Методами исследования явились принципы объективности, историзма, системности, комплексного учета социально-субъективного в предмете изучения.

В заключении авторы отмечают, что несмотря на сложности комплектования армейских частей на Кавказе (бегство солдат, преступления и т.д.) военная обстановка и грамотное управление подразделениями, а также не в меньшей степени значительные сроки службы позволили переплавить асоциальный состав из числа рекрутов в боеспособные соединения. Значительную роль в деле обучения и перевоспитания рекрутской массы сыграло русское офицерство.

Ключевые слова: кадровый состав, Русская армия, Кавказ, Кавказская война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vladimir-karataevo@rambler.ru (В.Б. Каратаев), ostrovskaya_aa@pfur.ru (А.А. Островская), kokuyteva_tv@pfur.ru (Т.В. Кокуйцева), semenov_als@pfur.ru (А.С. Семенов)